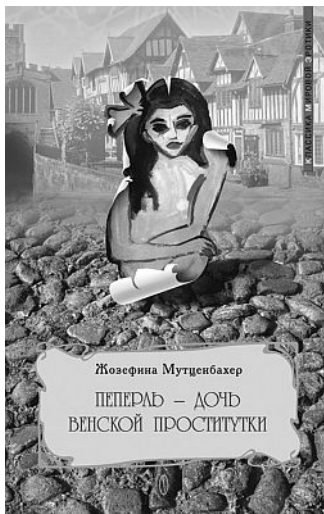

Жозефина Мутценбахер
ПЕПЕРЛЬ – ДОЧЬ
ВЕНСКОЙ ПРОСТИТУТКИ

Жозефина Мутценбахер
Пеперль – дочь Жозефины
Серия «Жозефина Мутценбахер», книга 3

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166678

Жозефина Мутценбахер. Пеперль – дочь венской проститутки: Институт соитологии; СПб.;

2003

ISBN 5-9637-0014-0

Аннотация

Данная книга рассказывает о жизни дочери знаменитой венской проститутки Жозефины Мутценбахер. Под псевдонимом автора этой трилогии скрывается австрийский писатель Феликс Зальтен – автор всемирно известной сказки «Олененок Бемби» и многих других детских и взрослых книг.

Эта книга, как и трилогия в целом, адресована искушенному читателю не моложе 18 лет.

Содержание

ОТ РЕДАКТОРА	4
ПЕПЕРЛЬ – ДОЧЬ ВЕНСКОЙ ПРОСТИТУТКИ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Жозефина Мутценбахер Пеперль – дочь Жозефины

ОТ РЕДАКТОРА

Данный том завершает трилогию о знаменитой венской проститутке Жозефине Мутценбахер. Строго говоря, если вторая часть трилогии («Мои 365 любовников»), возможно, и принадлежит перу бесспорного автора первой – Феликса Зальтена, то третья, безусловно, в чистом виде является заведомым «сиквелом» и, согласно утверждению одного из ведущих эротологов мира Патрика Керни,¹ написана примерно в 1943 году (напомним, что книга Зальтена единодушно датируется 1906 годом).

Машинописная рукопись была обнаружена при разборке развалин в Вене сразу же после войны. Позднее, по свидетельству Керни, на территории Франции были обнаружены типографские издания книги, переплетенные в обложку романа Й. Геббельса «Михаэль». Выяснилось, что их распространяло среди нацистских оккупационных войск немецкое антифашистское подполье, по-видимому, имевшее целью при помощи откровенных подробных описаний мирной жизни Вены до «аншлюсса» вбить клин между германскими и австрийскими по месту призыва и формирования войсками. К сожалению, литературно-библиографическая история этого издания до сих пор за пределами упомянутых скудных фактов неизвестна.

Если в первых двух частях трилогии издательство в ряде случаев ограничивалось описательным переводом (в том числе, и венского уличного сексуального жаргона), то в третьей при редактировании была сделана попытка восстановить истинное соответствие употребленной в книге вульгарной лексики русским табуизированным словам и выражениям. К сожалению, в ряде случаев (как это происходит в целом при переводе западноевропейской обценной лексики) русский язык оказывается беден и ограничен в сфере, если можно так сказать, общеупотребительной табуизированной терминологии (вопреки распространённому заблуждению об «особом богатстве» русского мата, к примеру, на три-четыре обценных наименования в русском языке мужского полового органа в английском таких наименований не менее шести, а во французском – восьми-девяти). При этом из перевода принципиально исключались неологизмы последней трети XX века типа «трахаться» и их производные.

Наименование улиц и районов Вены даны, как это общепринято в мировой, в частности, русской литературно-издательской традиции, в форме транслитерации, а не перевода. При транслитерировании собственных имён применялся фонетический, а не орфографический принцип.

В. В. Львов

¹ Kearney Patrick J. A History of Erotic Literature. London. 1982. P. 158–160.

ПЕПЕРЛЬ – ДОЧЬ ВЕНСКОЙ ПРОСТИТУТКИ

Так иногда складывается жизнь. Жозефина Мутценбахер стала богатой и знаменитой, она пропустила через себя мужчин больше, чем любая из женщин на этом свете. Но когда ей подступило под сорок, она вдруг тоже захотела иметь то, что есть почти у всякой другой женщины: ребёнка. Она надумала обзавестись ребёнком, ни больше, ни меньше. Ибо готова была стать всем, чем угодно, только не старой шлюхой.

И она родила девочку. Только вот радость материнства ей было не суждено вкусить – влагалище, в котором побывало такое обилие членов, разорвалась во время родов. Спустя сутки Жозефина Мутценбахер скончалась.

Её погребение вылилось для Вены в исключительное событие, шестикилометровая похоронная процессия, состоявшая из одних мужчин, провожала её в последний путь. При этом за её гробом не следовало и четверти всех её дружков. Один весьма известный в ту пору поэт даже написал некролог. Он составлял тридцать строф, первая из которых гласила:

«Спокойно спит пусть проститутки прах,
смерть еблю оборвала моментально.

И те хуи, что ранее пронзали пах,
ссут нынче в честь тебя орнаментально».

Девчушка же, маленькая Пеппи, была тогда взята на попечение одним из братьев Жозефины и его женой. И несколько лет дела там складывались, в общем, неплохо – пока оба не промотали наследство Жозефины.

После этого Пеппи оказалась точно в такой же бедности и нужде, как и её мать тридцать пять лет назад.

Она была бедна, но отнюдь не глупа.

Ведь недаром матерью её была Жозефина Мутценбахер.

Растрёпанная голова госпожи Алоизии Мутценбахер с зорким видом высовывается из полуподвального окна квартиры старшего дворника. Её взгляд придирчиво утюжит мрачный, замызганный двор, в углу которого штабелями сложены ящики со всякой дрянью.

– Пеппи, Пеппи, – громко кричит она. И куда эта поганка запропастилась опять? – Ну, погоди, вот вернёшься домой, Пеппи, я тебе жопу-то надеру!

Пеппи не слышит, она с головой погружена в своё занятие. С подружкой Мблн Вондрачек она наблюдает за тем, как грузчики, обливаясь потом, сносят вниз по лестнице домашнюю обстановку коптильщика Пипанеки и укладывают её в громадный мебельный фургон, стоящий у ворот. Пеперль и Мали тесно прижались к стене, не сводя глаз с мускулистых, обнаженных рук мужчин.

Чувственно играет тонкий красный язычок Пеперль в уголках рта, и маленькие твёрдые грудки острыми бугорками проглядывают сквозь тонкую ткань девичьего платья.

– Послушай, Мали, – говорит Пеппи, – у тебя такое бывает как у меня?

– О чем это ты?

– Ну, знаешь, когда я вижу раздетых мужчин, у меня внутри что-то переворачивается, а когда слышу запах их пота, у меня везде в пизде начинает просто огнём гореть. И мне приходится сдерживать себя, чтобы туда рукой не залезть.

Мали краснеет до кончиков ушей.

– Перестань, как тебе не стыдно, свинья ты этакая!

– Послушай, глупая, разве ты никогда не играешь со своей пизденкой? А вот я всегда. На ночь, перед тем как заснуть, это здорово! Ты честно не играешь?

– Да, но это же гадость, так мне мама сказала!

– Потому что не знает, как это здорово, – горячо выпалила Пеперль. – Стоишь и палишься на мальчишек, доводишь себя, а потом не знаешь, что с этим делать. Я, конечно, охотно бы занялась этим самым с парнями, да вот боюсь. Они сразу хотят ебаться, эти мальчишки, и возьмут да сделают тебе ребёнка, а дядя сказал мне, что в случае чего заперет меня насмерть. Ну, и тогда я делаю это одна. Ой, я больше не выдержу... давай, пойдём к нам домой, я тебе покажу, как это делается, если хочешь.

Мали колеблется, но в глазах её горит любопытство, и она нерешительно плетётся вслед за Пепи.

Тётка Мутценбахер встречает племянницу звонкой затрепиной. Покрасневшая левая щека у Пеперль горит, но девочка молча, пожав плечами, сносит наказание.

– Чтобы ты, засранка, на носу зарубила не шляться, – вопит взрослая баба, хватая хозяйственную сумку и поворачивается к двери. – Пригляди-ка за гуляшом, обед дяде должен быть готов вовремя, я вернусь только ближе к ночи.

Дверь за ней затворяется со скрипом, а Пеперль за теткиной спиной высовывает на прощание длинный язык.

– Ладно, Мали, пойдём, я тебе это покажу.

Пеперль проходит вперёд в полутёмную комнату, которую отделяет от кухни стеклянная дверь, кое-как затянутая ветхой кружевной занавеской, и Мали с любопытством следует за ней.

– Слушай, какая же ты свинья, – на всякий случай говорит подружка.

– Поцелуй меня в жопу, не хочешь смотреть – не надо, гусыня ты глупая, я же ради тебя стараюсь.

– Ну, хорошо, хорошо, я уже хочу, но только лишь посмотреть.

– Тогда смотри.

Пеперль ложится на широкую кровать и задирает девичье платье до самого подбора. Штанишек она не носит, в семье старшего дворника это непозволительная роскошь. Худенькое, рано созревшее тело тринадцатилетней Пеперль лежит, обнажённое, на красном покрывале, и теперь широко раздвигает стройные смуглые ляжки и указывает пальцем на ту штуку, которая находится посередине.

– Вот это и есть пизда, – назидательно возвещает она, и Мали в ответ прыскает:

– Да уж это-то я знаю.

– Не смейся, работа пальчиком – серьёзное дело, им следует заниматься благоговейно, но смело.

Она ещё шире разбрасывает ляжки, и теперь за реденькими каштановыми волосиками приоткрывается розоватая монастырская пещера, которую не посещал ещё ни один пилигрим и в которой до сих пор совершал молчаливый молебен только её собственный пальчик.

– Так, а вот это секель, – говорит Пеперль, и, когда она дотрагивается до клитора, по её телу пробегает озноб. Маленькие грудки от этого становятся ещё тверже, а соски на них высоко встают в боевой готовности.

– Это... значит... секель...

Пеперль старается и дальше продолжить урок анатомии на собственном примере, однако речь её становится неразборчивой и звучит отрывочно.

Старательно, с ласковой нежностью её палец потирает розовый холмик между ног, а из уст её сбивчивым лепетом вырываются только отдельные слова:

– Если б я... только... могла... видеть... свою... пизду. Но моя... ой... больше... не... выдержу... я так... вся... завожусь... ах, хорошо... я хотела бы погладить себе и титьки, но не могу... потому что... одной рукой... мне нужно раздвигать себе пизду... а другой я должна играть... о... о... боже ж ты мой... как это хорошо... мне так хочется свои титьки...

– погоди, я тебе подсоблю.

Мали давным-давно уже подошла вплотную к кровати и горящими глазами неотрывно глядит на конвульсивно вздрагивающую подругу. Теперь её грязный маленький пальчик нежно поглаживает остренькую грудку Пеперль, а та принимается сладострастно стонать:

– А... а... а...

– А... а... – раздаётся внезапно чей-то чужой голос, передразнивающий погружённую в чувственную истому девочку.

Мали в ужасе оборачивается и, оцепенев, смотрит на незнакомого молодого парня в синем комбинезоне слесаря, который стоит в открытых дверях комнаты. Она испуганно закусывает сжатую в кулак руку, с надеждой оглядывается по сторонам, нет ли где какой-нибудь дырки, через которую она могла бы выскользнуть отсюда на улицу. Но никакой дырки нет, кроме той, которую Пеперль предлагает жадному взору юного слесаря и через которую она, конечно же, при всём желании не смогла бы вырваться на волю. Лежащая Пеперль словно оцепенела, глаза ее, устремленные на незнакомого парня, тоже неподвижны. Наконец, она медленно опускает платье и, запинаясь, спрашивает:

– Что... что вам здесь нужно?

– Я, собственно говоря, собирался сделать чердачный ключ для нового жильца, но сейчас это дело может подождать, сейчас... сейчас мне хочется уже кое-чего другого!

Обе девочки молча смотрят на парня, затем лицо Пеперль расплывается в улыбке, и она с осмотрительностью тринадцатилетней жительницы Оттакринга, которой ничто человеческое не чуждо, спрашивает:

– И чего же именно?

– Чего именно? – эхом повторяет за ней Мали, но несколько менее сдержанно, чем её подруга.

Парень отвечает шутливый поклон.

– Немножко перепихнуться, чуточку потереться, так сказать, если дамам это доставит приятность!

– Ха-ха-ха! – звонко хохочет Пеперль. – Вот чего, значит, тебе хочется, да? Гляди-ка лучше, как бы тебе выбраться отсюда подобра-поздорову, сутенёр паршивый! Ну-ка исчезни с глаз долой, иначе я тебе костыли обломаю. Всякие тут в дом заходят!

– Конечно, всякие тут могут зайти! – нагло осклабился парень. – Вы и дверь незапертой оставили, чтобы любой мог войти. Итак, дамы отказываются от предложения? Ну, что ж, тогда всё в порядке, только я подожду, когда вернётся госпожа супруга старшего дворника, и расскажу ей интересную историю про её дочерей. «А... а...» – снова передразнивает он блаженные вздохи Пеперль и поворачивается к выходу.

– Господин... как, собственно, вас зовут? – Пеперль поспешно берет на себя роль парламентаря.

– Руди Помайсл, к вашим услугам. – Руди расшаркивается. Затем тоном истинного кавалера произносит: – Милостивые барышни, ничего особенного не произошло, пизду я уже видел, поэтому давайте оставим разговор на эту тему!

– Он ведь, собственно говоря, прав, – заявляет Пеперль. – Пизду он действительно видел. В конце концов, в этом нет ничего особенного. А коль так, входите, только затворите дверь, иначе здесь скоро соберётся вся ваша мастерская.

– Если вы не будете сердиться, у меня на всех хватит, – говорит Руди и начинает стягивать с себя спецовку. – Давайте перейдём на «ты», так проще будет. Как же зовут милых дам?

– Меня зовут Пеперль, а это моя подруга Мали.

Мали с растерянным видом забивается в угол кресла, у Пеперль, похоже, тоже храбрости поубавилось, и она нерешительно уселась на кровати.

Руди как ни в чём ни бывало продолжает раздеваться, не спуская при этом глаз с остреньких грудок Пеперль. И вот он стоит перед ними, светловолосая голова с загорелым

лицом венчает по-мальчишески худощавое белое туловище, у которого во всей красе вверх поднимается могучий член, обрамлённый светло-русыми волосами.

Пеперль и Мали тотчас же закрывают глаза ладошками – Пеперль, однако, всё же не настолько плотно, чтобы не подглядывать сквозь пальцы. Руди бойко приближается, ясно, что у него уже есть известный опыт обращения с женщинами, ибо он первым делом снимает пальцы с лица Пеперль. Укладывает её на спину – и она спокойно позволяет это. Когда он снимает с нее платье, она ещё раз вздрагивает от стеснения, однако потом говорит:

– Плевать, тот ли, другой ли, когда-нибудь это ведь должно случиться.

И с готовностью раздвигает ноги.

– Ах, какая прекрасная пизденка, – говорит Руди, потирая членом клитор Пеперль. – Вблизи она гораздо красивее! Но я же не могу войти, – вдруг удивлённо восклицает он, – ты что, ещё девственница?

Пеперль утвердительно кивает:

– Да, к сожалению!

– Сколько же тебе лет?

– На рождество исполнилось тринадцать!

Руди подаётся назад.

– Да за такое, глядишь, и в каталажку угодить можно! – И когда Пеперль подвигает пизду поближе – ей сейчас всё равно, сейчас она взбудоражилась не на шутку при виде красивой твёрдой палки, которая постукивает её по секелю – он покровительственно добавляет: – Итак, сношать тебя я всё же не буду, я не таков, чтобы рисковать, произошло недоразумение. Я лучше продеру другую барышню. Иди сюда, Мали!

– Господи помилуй, – пищит Мали, – да мне же только двенадцать!

Руди задумчиво чешет голову и потом принимает решение:

– В таком случае я вас сношать не собираюсь, – великодушно произносит он, – для поёбок сгодится любая женщина, все служанки за мной увиваются. Зато я вас сразу познакомлю с высшей школой любви! Мали, ложись рядом с Пеперль!

Мали начинает ныть:

– Нет, я не могу, я хочу к маме!

– Вставай! – очень строго говорит Руди. – И ложись вот сюда, иначе я сам пойду к твоей маме!

Мали, продолжая хныкать, робко подбирается поближе:

– Я никогда ещё не...

– Иди сюда и прекрати ломаться как сдобный пряник!

Пеперль сгорает от нетерпения. Она с вожделением взирает на толстый хуй Руди, её собственный палец играет с секелем. Но Руди обрывает подобное начало, его рука перебирает у нее волосики на пизденке, и в то же время он приказывает Мали:

– Раздевайся!

Мали снимает юбку и блузку, однако плотно обтягивает колени сорочкой. Руди делает шаг по направлению к ней, поднимает руку – и сорочка с разорванными плечиками мигом падает на пол.

Мали стоит перед всеми голая и, готовая провалиться сквозь землю от стыда, прикрывает ладошками свою крохотную, совершенно безволосую пизденку. Руди критично осматривает её и потом даёт отрицательную оценку увиденному:

– Ты вообще ещё не баба, у тебя пизда голенькая!

Но тут стыдливая Мали возмущается. Сейчас, когда она совершенно голая, ей тоже уже становится нипочем, что будет дальше, и она гневно заявляет:

– Я же тебя не заставляла меня раздевать, но если уж на то пошло, титьки у меня не меньше, чем у Пеперль.

Руди человек справедливый, он добросовестно проверяет истинность этого утверждения. Проворными влажными пальцами он, играючи, проводит по соскам девочки, которые мгновенно твердеют и встают.

– И правда, – милостиво соглашается он, – титьки у тебя на месте, – и, голос его теперь звучит утешительно, добавляет: – А волосы у тебя там ещё вырастут. Вот увидишь!

Теперь, однако, Мали податлива и возбуждена, потому что когда Руди погладил её соски, по телу у неё пробежал неведомый ей доселе озноб. Она забирается на постель к Пеперль, вытянувшись, ложится на спину рядом с ней и даже, как Пеперль, немного раздвигает ляжки в ожидании событий, которые должны теперь произойти.

Руди обводит самодовольным взглядом двух малолетних женщин, затем укладывает их поудобнее и начинает нежно поглаживать секель Пеперль, внимательно глядя при этом ей в лицо. Пеперль постанывает, это нечто совершенно иное – ощущать *там* палец мужчины, а не свой собственный. Она закатывает глаза, как можно выше приподнимает ягодицы, её клитор буквально спешит выдвинуться навстречу поглаживающему пальцу. Когда же Руди затем ласково, но в то же время крепко прижимает мизинец левой руки к её дырочке в жопке, Пеперль вскрикивает от вожделения и извивается под умелыми руками.

– Ах, а-ах, это так... это как в раю, ещё, ещё, только, ради бога, не останавливайся!

Руби смотрит, как глаза у неё закатываются всё сильнее, как всё резче волны озноба пробегают по её телу. Затем он очень низко склоняется над стонущей девочкой и, нежно целуя, берёт её соски в рот. Пеперль издаёт пронзительный крик сладострастия, потом оседает и теперь лежит, словно лишившись чувств.

– Ну, разве не обидно бы было, если б я ушёл?

Руди задаёт этот вопрос с гордостью, но Пеперль не в состоянии на него ответить, она оглушена. Зато теперь робкая Мали чувствует бывалый палец Руди на своей голенькой пизденке. Несколько рассеянно Руди поигрывает и с её секелечком, однако подлинного интереса к ней у него нет и он вскоре оставляет это занятие.

– Тебе придётся подождать ещё годик-другой, пока ты станешь постарше, – извиняющимся тоном говорит он, – знаешь, меня голая пизденка не больно радует.

Мали тяжело вздыхает.

У Пеперль глаза закрыты, она лежит совершенно расслабленная. Руди тотчас же вновь обращается к ней.

– Хорошо было? – спрашивает он, и когда та утвердительно кивает, берёт её расслабленную руку и проводит ею по своему напрягшемуся члену.

– Теперь моя очередь! Ты уже когда-нибудь держала в руке напрягшийся хуй? Нет, ну тогда я научу тебя, как действовать!

С этими словами он проводит её неумелой рукой вверх-вниз по переполненной энергией дубине, обнажает здоровенную головку и показывает ей, как другой рукой она может мягко поглаживать его яйца. Пеперль старательно делает всё, что ей велено. Руди снова ложится на постель и погружает пальцы в разрез её пизды, а Пеперль тем временем, склонившись над ним, совершает торжественную церемонию дробки. Вскоре у неё жопка опять начинает подергиваться, поскольку игривый пальчик жутко ее возбуждает. Она ещё ниже склоняется над толстенной макарониной Руди и вдруг, даже как-то особенно не задумываясь, начинает так интенсивно лизать языком его головку, что Руди стонет от наслаждения.

– У тебя талант, – произносит он, – если девственница, ещё не научившаяся ничему, первым делом берёт палку в рот, значит, из неё получится великая блядища... Давай девочка... действуй девочка, у тебя получается... лижи дальше! Только прошу тебя, Пеперль, не забывай о яйцах и продолжай лизать до самого конца! Лижи, мышка, лижи, ласточка, у меня подкатывает! Полижи ещё секундочку... Полижи! Соси крепче! А-а-а... сейчас... сейчас... вот!

Густая струя белой спермы выстреливает из ствола прямо в лицо Пеперль, и та от неожиданности испуганно выпускает член из рук и вытирается. Руди побелел. Пеперль боязливо глядит на парня, не случилось ли с ним чего? Она никогда прежде не видела мужчину, которого цветущие девичьи губы могли напрочь лишить сил.

Однако Руди оправляется быстро, быстрее, чем Пеперль до этого, и, увидев, как девочка поигрывает своим восставшим секелем, резко привстает на постели, бросается на Пеперль и прячет свою белокурую голову у неё между ног. Клитор у совершенно обезумевшей Пеперль горит под умелым языком Руди, поднимается, вскакивает точно член. Ибо какое сравнение может быть между пусть даже натренированным пальцем Руди и его нежно ласкающим язычком, который то проникая глубоко острым кончиком, то широкими, размеренными мазками вылизывает ей щелку. Пеперль чувствует, как у нее в теле пылают тысячи пожаров, с головы до глубины пизденки её прошибает горячая струя, у девчонки появляется такое ощущение, будто она сейчас умрёт от сладостной муки, Пеперль кричит и выгибается дугой. Но когда её алчущая пизденка на мгновение выскальзывает из причмокивающих губ Руди, Пеперль в нетерпении выкрикивает:

– Ещё, ещё... Прощу тебя... пожалуйста, только не останавливайся!

И Руди успокаивающе ворчит в ответ что-то нечленораздельное, снова погружает язык в её жаждущую розовую расщелину и держит его там до тех пор, пока, наконец, Пеперль, жалобно постанывая, не затихает, закрыв глаза.

– Ты готовая поблядушка, – с похвалой говорит Руди, поднимается с постели и тыльной стороной руки оттирает свой мокрый рот.

– Здорово, ничего не скажешь! С трудом верится, что ты ещё не имела дела ни с одним мужчиной.

– Клянусь, это правда, – говорит Пеперль, и рука её ощупью находит поникший хер Руди. Тот шлепает её по пальцам и ворчливо заявляет:

– Довольно, теперь дай передохнуть!

Он покровительственно запускает руку между ляжек Мали, которая с беспомощным видом теребит свою безволосую пизденку и явно не знает, как вызвать у себя чувство, аналогичное тому, которое испытала Пеперль.

Потом он быстро накидывает рубашку и комбинезон на своё поджарое тело и говорит на прощание:

– К сожалению, у меня сейчас нет больше времени, Пеперль, но, коли захочешь, приходи вечером в Верингер-парк. Нас там собирается целая команда ребят, ну, а уж если ты дашь моим друзьям немного повозиться с твоей пизденкой, мы потом возьмём тебя с собою в кино!

Пеперль, по-прежнему раздвинув ноги, лежит на кровати, и Руди никак не может уйти. Он возвращается к девчонке и запечатлевает страстный поцелуй на розовой щелке между ляжками девочки. Затем уносится на работу.

Мали переворачивается и чуть не всем телом ложится на Пеперль.

– Пеперль, скажи, как было, только говори честно. Ты так кричала, что я даже поначалу перепугалась, но потом всё стало так волнительно, а когда у тебя закатились глаза, у меня в пизде просто всё зачесалось. Давай, расскажи мне всё точно, – взмолилась она.

– Как было, спрашиваешь? Это было шикарно! Потрогай, как горячо у меня до сих пор в пизде, жжёт точно адским пламенем, о котором всё время вещает нам законоучитель. Но если адское пламя такое приятное, я бы с удовольствием отправилась в ад!

Пеперль улыбается и как бы ненароком дотрагивается до пизденки своей подруги.

– Иди сюда, Мали, я тебе это сделаю, тогда сама поймешь, как оно на самом деле!

Мали послушно и так широко раздвигает ноги, что её по-детски недоразвитая пизденка вся распахивается, обнажая малюсенький розовый секель. Пеперль смачивает себе указа-

тельный палец и нежно, едва касаясь, проводит им по источнику наслаждения. Мали пронзительно взвизгивает и хохочет.

– Ой, как жутко щекотно.

– А ну, хватит хохотать! – всерьёз приказывает Пеперль и сосредоточенно продолжает заниматься своим делом.

Мали и правда перестаёт смеяться, на лице у нее появляется выражение отрешённости, а глаза подергиваются патиной томления. Затем по её худенькому телу мелкими волнами пробегают волны дрожи, и Пеперль то нежно и медленно, то убыстряя движения, поглаживает клитор Мали, который увеличивается в размерах и набухает. У Мали вырывается стон, а затем она, запинаясь, произносит:

– У него, у этого Руди такой большой, красивый хуй... такой большой и красивый... Хватит, Пеперль, – кричит она, – хватит... я больше не могу, не дотерплю!..

– Тсс, тсс, – предупреждает Пеперль, – дотерпишь, дотерпишь, сейчас на тебя накатит. – Её палец бешено крутится внутри голенькой пизденки. – Вот-вот накатит, ну скажи, Мали, хорошо ли тебе, скажи мне.

С протяжным стоном Мали выдавливает из себя слово «хорошо»... Затем высоко выгибается, вздымая маленький голый живот, так что крестец чуть ли не ломается, а ее влажлище резко насаживается на ласково поглаживающий палец. Наконец Мали оседает, тяжело дыша, валится пластом на развороченную постель, в которой супружеская чета Мутценбахеров обычно предаётся своим скудным супружеским радостям.

Две минуты спустя девочки стоят перед полуслепым зеркалом и разглядывают свои крохотные щелки, которые выглядят довольно надраенными.

– У тебя и вправду гораздо больше волос на пизде, – с завистью отмечает Мали.

– Но я же на год старше тебя, – утешает её Пеперль. – Знаешь, у меня волосы по-настоящему начали расти только тогда, когда я стала играть с пизденкой, а до этого она тоже была голой. Но теперь я играю всё время, а нынче позволила сделать это и Руди. Вот кто умеет! И языком это гораздо приятнее, нежели пальцем. Жалко, что я сама себя не могу лизать, – вздыхает Пеперль с искренним сожалением в голосе и бросает на Мали многозначительный взгляд. Однако та не понимает намёка. Действительно, жаль!

– Возьмёшь меня с собой, Пеперль, когда вечером пойдёшь в Верингер-парк? – вдруг спрашивает Мали.

– Ты же слышала, что ты ещё слишком мала для этого! – Пеперль явно горда тем, что в чём-то опередила подругу. – Парням голые пизденки не нравятся.

– Но послушай, ведь вечером совершенно темно, – настаивает Мали, – никто же ничего не заметит, а я скажу, что мне уже тринадцать. Давай, возьми меня с собой!

– Гляди-ка, с чего это тебе вдруг приспичило? Раньше ты обзывала меня свиньёй, а сейчас дожидаться не можешь, чтобы тебя кто-нибудь ухватил за щелочку, где ещё нет ни одного волосика.

– Но я ведь тогда не знала, как это бывает, – оправдывается Мали. – Ну, так ты возьмёшь меня с собой?

– По мне так иди!

Пеперль великодушна, и потом она надеется, что парни с пренебрежением отвергнут Мали и все кинутся крутиться вокруг неё. Однако она твёрдо решила, что не каждому из парней позволит хвататься за свою щелку, а лишь тем, которые ей придутся по вкусу. И стоило ей только подумать об этом, как ее пизда-скороспелка запылала, и ей снова припомнилось, как горячий язык Руди вылизывал её похотливый клитор.

– Любопытно было бы узнать, – говорит Мали, – что приятнее: ебаться или драть.

– Ну, для меня это пока слишком, – отвечает Пеперль. – Я смогу ответить тебе на это только годика через два – а, может, и на будущей неделе.

В эту секунду Пеперль приняла решение как можно скорее позволить кому-нибудь пробуравить её жгучую дырочку. Час, проведённый с умелым Руди, открыл перед её уже на всё готовой пизденкой небывалые возможности. Она вдруг понимает, какое множество изысканных удовольствий поджидает её опушённую каштановыми кудряшками пизду, и она, Пеперль, не может пренебречь ни одним из этих удовольствий. «Храбрая ты у меня, пизденочка, до чего же храбрая», – говорит она про себя и, нагнувшись, пытается расцеловать её. Однако это, к великому сожалению, невозможно. Тогда она становится перед зеркалом, левой рукой оттягивает вверх поросший нежными волосиками венерин бугорок, так что набухший секель высовывается наружу, и с нежной осторожностью несколько раз поглаживает его влажным пальцем. Однако Мали всё ещё не удовлетворена сведениями, полученными от Пеперль, она упорно продолжает допытываться, что лучше, драть пальчиком или ебаться. Вот в чём вопрос! Вольное толкование Шекспира! Она, так же как и Пеперль, решила как можно скорее найти ответ на этот вопрос самостоятельно.

– Знаешь, – говорит Пеперль, – между еблей и дрочкой наверняка должна быть какая-то разница. Пару недель тому назад я, например, пошла на чердак, где кухарка-чешка Пипанека, который сегодня съезжал с квартиры, развешивала бельё. Я должна была ей помочь. Так вот, поднимаясь по чердачной лестнице, я вдруг услышала, что Янка с кем-то разговаривает. Я остановилась и слышу, как она говорит: «Господи Иисусе, да ведь твой штемпель куда как лучше!». Потом раздался визг, и я подумала, что-то случилось. Я стала пробираться дальше очень тихо, на цыпочках, но, к сожалению, споткнулась о стойку и с грохотом полетела. И когда я, наконец, добралась до того угла, где находилась Янка, то уже ничего не увидела. Она стояла там с совершенно стеклянными глазами и в мятых юбках, а рядом с ней стоял почтальон и говорил: «Итак, госпожа Янка, я кладу вам письмо в ящик, вы за него уже расписались». И с этими словами удалился. Я, естественно, поняла, за какое такое письмо она расписалась, потому что он впопыхах забыл даже застегнуть ширинку. Так что наружу ещё выглядывал кусочек карандаша.

Пеперль смеётся, Мали с совершенным недоумением глядит на неё и спрашивает:

– Он что, карандаш в ширинку засунул?

Пеперль заливается ещё пуще:

– Послушай, Мали, какая же ты всё-таки дурочка! Я имею в виду, что наружу выглядывал его поршень, которым он расписывался у нее в пизде, не понимаешь, что ли?

Тут до Мали доходит, она тоже прыскает от смеха и всё никак не может остановиться.

А Пеперль между тем продолжает свой рассказ:

– Тогда я, естественно, сразу сказала Янке: «Вы позволяете себя ебать, фрейлейн Янка?» Но она резко оборвала меня, заявив, что я-де подглядываю, представляешь, прогнала с чердака и пригрозила, что расскажет моей тётке, какая я свинья. Она, естественно, ни словом не обмолвилась, потому что тётка в таком случае узнала бы, что Янка сношалась с почтальоном, а что знает моя тётка, об этом вскоре узнаёт вся улица. Однако я успела тогда увидеть, что ей это очень пришлось по вкусу, стало быть, ебля, дело, похоже, весьма приятное!.. Я, знаешь, прямо-таки обрадовалась, узнав такое про Янку, потому что за несколько дней до этого услышала, как дядя хотел продрать тётку, а та ему заявила: «Отвяжись, оставь меня в покое, старый хрен, мне и моей пизде – нам обоим ты совершенно не интересен!» Однако он продолжал настаивать на своём, и тогда тётка заехала ему подсвечником. Я тогда подумала было, что ебля – дело совершенно некрасивое и скверное, иначе тётка тоже хотела бы этого. Однако их ругань меня завела, и я ещё добрые полчаса, должно быть, играла со своей пиздой, поскольку никак не могла заснуть... Таким образом, – заключила Пеперль, – ебля, выходит, бывает и такая, и сякая. Для одного в этом удовольствие, а другому в ней нет никакого интереса. Я, во всяком случае, скоро узнаю, как обстоят дела.

– Мали, Мали, – доносится через окно с улицы бранчливый голос. – Блядское отродье, будь ты проклята, явишься ты, наконец, домой?

Мали в крайней спешке накидывает на себя платье и с обещанием вечером ровно в восемь быть в Верингер-парке, стрелой вылетает за дверь.

Пеперль остаётся стоять перед зеркалом, разглядывая себя. Из мерцающего зелёного стекла на неё смотрит худое, дерзкое лицо девчонки из предместья с лучистыми чёрными глазами, вздёрнутым носиком и широким чувственным ртом, меж губ которого белеет ряд здоровых и крепких зубов. Она проводит ладонью по пышным каштановым волосам, оглаживает мягко уходящие книзу плечи, маленькие, острые грудки, стройные бёдра и тонкие ноги.

– Красивая я, – говорит она своему отражению в зеркале, – и я стану поблядушкой, как сказал Руди. А почему бы и нет, я совершенно не против, чтобы мою пизденку обрабатывали как следует, почему бы мне действительно не стать поблядушкой? Каждый день иметь хуй в пизде – не самое худшее. Денег у меня тоже будет достаточно, потому что пизденка у меня ничего не боится, храбрая, прекрасная пизденка!

И Пеперль ещё раз с раздвинутыми ногами бросается на постель и влажным указательным пальцем начинает со знанием дела ублажать похотливый секель.

Пеперль и Мали неторопливо плетутся по Гюртелю, у них ещё полчаса до начала уроков. Под мышкой у них зажаты учебники, а платья обтягивают их до того туго, что у обеих соски дерзко проглядывают сквозь ткань. Они усердно следят за взглядами попадающихся навстречу мужчин, смотрят ли те на их груди или нет. Мали после той истории с Руди точно подменили, на уме у неё теперь только одно. Она превратилась в похотливую стерву, у которой нет другой темы для разговора, кроме собственной пизденки и того, как часто она отныне ублажает свой секель. Пеперль довольно рассеянно слушает её болтовню, глаза у нее так и зыркают вдоль улицы и довольно разгораются, как только в поле зрения оказывается парикмахер Кукило, стоящий у входа в своё заведение. Он ей безумно нравится, и она давно про себя решила, что именно он и никто другой лишит её девственности. Это симпатичный молодой мужчина лет тридцати, ладно скроенный и крепко сбитый, с маленькими чёрными усиками над верхней губой. Особенно Пеперль в нём нравится то, как красиво лежат его завитые тёмные волосы. У неё непреодолимое желание растеребить и взьерошить эту аккуратную причёску-укладку, а недавно ей даже приснилось, что Кукило надрочивает своими кудрями ее вечно жаждущую пизденку. Этот сон был настолько правдоподобным, что она проснулась и полчаса мастурбировала, пока не довела себя до изнурения и не уснула снова.

Теперь она каждый день по дороге в школу проходит мимо его заведения, бросает на молодого парикмахера мечтательные взгляды, и тот, естественно, замечает их и польщено подтягивается. В глубине души эти двое уже давно вместе, они только с нетерпением ждут удобного случая. Прежде чем завернуть за угол, Пеперль ещё раз оборачивается и улыбается парикмахеру, провожающему её взглядом. После этого она заходит в школьные ворота.

Уроки в школе тянутся нудно. Пеперль почти не слушает. Она погружена в грёзы, рука опущена в карман платья. Внешне это выглядит совсем безобидно, ибо никому в голову не приходит, что в кармане есть дырка, через которую Пеперль просовывает палец и время от времени надрочивает пизденку. Девчонка размышляет о том, что пизда у неё теперь уже густо поросла волосами и понравится ли парикмахеру столь густая мохнатка. Во всяком случае, Пеперль считает, что кучерявая пизда выглядит более импозантно, нежели голая. Волосатые руки у парикмахера изящно наманикюрены, а губы у него красивые и алые. Пеперль страстно хочется добраться до этих губ. После вечера в Верингер-парке она знает, как сладостны поцелуи.

Вечер, в общем и целом, обернулся полным разочарованием. Руди вёл себя нагло и хвалился тем, что видел её пизду, но остальные как-то конфузились, и, таким образом, ничего так и не произошло, хотя Пеперль была готова на всё.

На обратном пути, однако, события приняли приятный оборот. Один из парней проводил Пеперль до дому и в подворотне обнял, поцеловал, сунув при этом ей в рот кончик своего языка. Он даже задрал ей платье и очень нежно погладил по пизденке. У Пеперль от возбуждения подкосились колени. Она тесно прижалась к парню и решительно ухватила было за ширинку. Однако в этот момент, к сожалению, появились жильцы, и парочке пришлось расстаться. С тех пор Пеперль знает, что значит целоваться по-настоящему и возбуждаться от того, что палец мужчины в это время касается твоей пизды.

Последним уроком была физкультура. Погружённая в свои мысли, Пеперль плетётся за хихикающими девчонками в спортзал. Вдруг она сразу очнулась.

Сегодня занятие ведёт преподаватель-мужчина, потому что девушка, обычно проводившая эти занятия, заболела. Пеперль с любопытством разглядывает учителя. Он ей не нравится, однако он мужчина, а до мужчин Пеперль теперь всегда охоча. И хотя он ещё достаточно молод, однако, цвет лица у него бледный и нездоровый, а вид смущенный. Глаза у него тусклые, безразличные, они вяло обозревают девочек. Когда он замечает Пеперль, взгляд его становится несколько оживлённее. Он пристально смотрит на её острую грудь, вызывающе торчащую под одеждой, затем делает ей знак рукой.

– Как тебя зовут?

– Жозефина Мутценбахер.

– Хорошо, Мутценбахер, покажи мне, что ты умеешь! – Он показывает на шесты, которые, словно рошица с опавшими листьями, примыкают к одной из стен спортивного зала. – Поднимайся!

Пеперль улыбается ему так, что учитель слегка краснеет.

– Простите, господин учитель, по двум шестам или по одному?

– По двум обеими руками попеременно, – говорит он.

Пеперль упругим шагом подходит к шестам, делает захват и начинает подтягиваться. Её стройные ноги сцеплены и слаженно двигаются. Ей достаточно нескольких перехватов – и она наверху. Учитель стоит непосредственно под шестами и глядит вверх. Пеперль с блаженством думает о том, что на ней нет штанишек, она разводит ноги в стороны, предоставляя смотрящему снизу лицеизреть её покрытую нежными волосиками розоватую пизденку. По лбу учителя пробегает волна красного пламени, он крепко сжимает губы. Пеперль медленно соскальзывает вниз и вдруг, тихо вскрикнув, падает. Учитель раскидывает руки, чтобы поймать её, а Пеперль рада, что её колени приземляются прямо на хуй учителя. Она крепко прижимается к учителю и чувствует, как его палка распрямляется, становясь большой и твёрдой.

– Ты не ушиблась? – озабоченно спрашивает учитель.

Пеперль глядит на него, улыбается и говорит:

– Да, я немного ударила коленом!

Учитель краснеет ещё гуще, а потом строго произносит:

– Сядь пока на стул, а после урока останься, тебе необходимо больше упражняться и дополнительно заниматься гимнастикой.

Одноклассницы злорадно хихикают, но Пеперль не обращает на это внимания. Она в возбуждении, она надеется получить от дополнительных занятий маленькое удовольствие для своей дырочки. Без особого интереса она наблюдает за девчонками, которые одна за другой карабкаются по шестам. Учитель по-прежнему занимает свой пост под шестами, однако по нему видно, что он разочарован. Поскольку, как выясняется, все девочки в классе, кроме Пеперль, носят штанишки. Пеперль знает об этом факте, и потому её совершенно

не беспокоит, что учитель опять и опять, задирая голову, смотрит вверх. Всё снова и снова взгляд учителя обращается к Пеперль, которая с видимым безучастием сидит в кресле, сунув одну из рук в карман платья, и время от времени пальцем выдаёт пизденке аванс в счет предстоящих наслаждений.

Пронзительно звенит школьный колокольчик, девочки торопливо хватают свои вещи и уносятся прочь, не забыв на прощание бросить злорадный взгляд на Пеперль, которой сейчас, по их мнению, предстоят в наказание дополнительные занятия по физкультуре.

Они остаются одни в большом спортивном зале, Пеперль и молодой учитель. Сквозь высокие окна светит полуденное солнце и бросает лучи на каштановые волосы Пеперль. Учитель медленно подходит ближе, останавливается перед улыбающейся девочкой и как-то странно на неё смотрит.

– Так, – говорит он, и Пеперль с готовностью немного раздвигает стройные ноги в надежде, что он сейчас ухватит её за пизду. Но молодой человек не делает ничего даже отдалённо похожего на подобный жест, потому что не догадывается, что Пеперль насквозь видит его намерения, а только строго говорит: – Ну давай, взбирайся по шестам, у меня нет никакой охоты долго торчать здесь.

«Хорошо, – думает про себя Пеперль, – меня это тоже устраивает».

Подойдя к шестам, она делает несколько захватов, но потом вяло повисает.

– Простите, господин учитель, дальше я не могу, – говорит она, глядя ему прямо в лицо. Её глаза с жадным нетерпением направлены на него.

– Я тебе немного помогу. – С этими словами он обхватывает её колено и чуточку приподнимает вверх. Она снова крепко прижимается к нему и чувствует его нос прямо на своей пизденке. Это настолько возбуждает её, что она расслабляет захват на одном из шестов и невольно ударяется затылком о кирпичную стену. Пеперль на мгновение теряет сознание, учитель очень напуган.

Увидев её закрытые глаза, он растерянно восклицает:

– Ради бога, только не падай в обморок!

– Нет, – отвечает Пеперль, – нет, я не упаду в обморок... нет...

При этом, однако, думает, что учитель буквально подсказал ей, как действовать, и она с глубоким вздохом оседает навзничь. «Посмотрим теперь, что произойдёт дальше», – вертится у нее в голове. Откидываясь на спину, она предусмотрительно слегка подтягивает к животу подол юбки. Теперь Пеперль ощущает, что пизда у неё оголилась, и держит глаза плотно закрытыми. «Сейчас он смотрит на мою пизденку», – взволнованно думает она и словно в забытии широко раздвигает ноги.

Молодой учитель становится перед девочкой на колени, он в испуге. Он озабоченно гладит её по лбу, пристально глядит на её закрытые глаза. Затем вдруг переводит взгляд на раздвинутые ноги, между которыми в зарослях нежно-каштановых волос мерцает розовая расселина. Он, учитель, в крайне затруднительном положении, он не знает, как ему поступить. Собственно говоря, он должен оказать помощь находящейся без сознания школьнице, но эта сладкая девичья пизденочка, лежащая прямо перед его глазами, точно магнитом притягивает его.

«Ах, да что там, надо думать, ничего страшного, я сейчас обращусь за помощью, но прежде я, как следует, рассмотрю пизденку, ибо мне не стоит пренебрегать столь удобным случаем, *такое* наверняка повторится не скоро».

Тихонько-тихонько раздвигает он девочке ноги, широко раздвигает, и от возбуждения даже не замечает, что не встречает совершенно никакого сопротивления. И вот его жадному взору во всей наготе открывается самая красивая раковинка, какую он когда-либо видел, юная и сочная, с припухлыми срамными губками и повлажневшим секелем.

«Только разок коснуться и погладить её», – думает он, и его рука тут же с ласковой осторожностью опускается на пизду.

– Ах, – вырывается вздох у лежащей в обмороке девочки, волна дрожи пробегает по её стройному телу, однако Пеперль не приходит в себя, крепко, можно даже сказать, судорожно продолжая сжимать глаза. Рука учителя дотрагивается теперь энергичнее, он внимательно смотрит на девочку и тут замечает, как веки у неё начинают подрагивать, а линия рта принимает сладострастное выражение.

«Вот оно что, – приободрившись, думает он, – маленькая стерва совсем не в обмороке! Да ведь она просто со мной забавляется!»

Тогда он отбрасывает всякое стеснение и несколько глубже вводит палец в подставленную ему девичью пизду. Пеперль постанывает, однако продолжает разыгрывать беспмятство. Её тело извивается под натиском умелого пальца учителя. Внезапно она ощущает прикосновение языка к своей вечно ненасытной расселине. Она высоко выгибает живот, чтобы облегчить учителю доступ к сокровищнице, тихонько постанывает и ворочается, но при этом с томительной страстью думает о его большом и упругом хере, который хотела бы почувствовать в себе. Она ощущает еще один могучий натиск языком, потом учитель внезапно останавливается.

– Не надо, – шепчет упавшая в обморок, – не останавливайтесь!

– Сейчас, сейчас! – Учитель в два шага подскакивает к двери, запирает её на ключ, возвращается обратно, возбуждённо сопя, и Пеперль видит, как он извлекает из брюк свой большой толстый хер и подносит его к её полудевственной пизденке.

«Ах, – думает Пеперль, – наконец кто-то меня отсношает».

Она совершенно затихает, а молодой человек предпринимает попытку вернуть в узенькую щелочку свою исполинскую дубину. Сперва ощущение этого ей приятно, Пеперль настолько возбуждена, что готова, кажется, терпеливо снести все испытания. Но потом, когда он пристраивается по-настоящему и уже собирается проникнуть в заветный грот, её пронзает такая невероятная боль, что она подаётся назад и кричит:

– Нет, нет... нет, я этого не вынесу.

Её ладонь безуспешно пытается оградить дырочку от вторжения. Мужчина грубо отталкивает её руку и пытается насильно пробить себе вход. Однако она не успокаивается, происходящее доставляет ей жуткую боль. Этот гигантский хуй, вероятно, был бы способен без остатка заполнить даже какую-нибудь старую ёбаную-переёбанную блядишу, однако необъезженная расселина Пеперль не в состоянии вместить объём этого поршня.

– погоди, – тяжело сопит молодой человек, он, похоже, совершенно потерял голову. – Я ещё войду, мне только нужно для начала растянуть эту узкую щелку пальцем, а потом тебе уже будет совсем не больно.

Он довольно грубо хватает девочку, поднимает её и укладывает на кожаный гимнастический козел. В таком положении она почти не в состоянии двигаться, постоянно рискуя свалиться на пол. Он широко раздвигает её ноги, и сейчас она беззащитна, отдана натиску обезумевшего и похотливого любовного стержня учителя. В ней нарастает страх, однако неодолимое желание узнать, что же за этим последует, всё же берёт в ней верх.

– Последний раз, пожалуйста, господин учитель, не делайте мне больно, – но она уже не может сомкнуть ноги. Учитель, к этому моменту утративший всякое внешнее достоинство, чьи взъерошенные волосы прядями свисают ему на лицо, в ответ лишь смачивает мизинец и начинает пробуравливать им возбуждённую дырочку. Сначала всё идёт довольно легко, ибо Пеперль и сама это когда-то пробовала, проторив отчасти туда дорогу. Но потом, когда учитель, видимо, совсем потерявший контроль над собой, пытается проделать то же самое указательным пальцем, тело Пеперль пронизывает острая боль, и она вырывается из грубых рук, которые причиняют ей такие ужасные страдания.

– Угомонись сейчас же!

Учитель приходит в ярость и сжимает девочку в железных объятиях. Потом проводит стремительную атаку. И вот его толстый палец уже по самый корень вогнан в пизденку.

– Ой... ой... ой-ой-ой... – кричит Пеперль, у неё пропадают почти все приятные ощущения, и она готова сейчас действительно упасть в обморок, но когда учитель извлекает палец, с губ её срывается взглас разочарования.

– Ну, вот видишь! – Учитель с удовлетворением показывает ей окровавленный палец. – Кровь девственницы, – говорит он и с большим наслаждением облизывает палец. – Это вкуснее шампанского, от которого только быстро пьянеешь.

С этими словами он склоняется вниз и начинает языком зализывать ужасно саднящую пизду, снимая подобным образом всякую боль, и Пеперль сейчас лишь сладострастно постанывает, когда язык учителя проникает глубоко внутрь. Она совершенно не соображает, в каком именно месте сейчас язык. Он то скользит вверх по клитору, то спускается вдоль складок влагалища и снова проникает глубоко в щелку. Пеперль вне себя. Она ничего не видит и не слышит, весь спортивный зал кружится перед её глазами, гимнастические шесты превращаются в огромные, подмигивающие хуи. И внезапно она ощущает на своей дырочке что-то большое, толстое и тёплое, она ещё шире раздвигает ноги, и затем её пронзает сильнейшая, ужасная, почти непереносимая боль. Она инстинктивно подаётся назад, дергается из стороны в сторону, пытаясь спастись от этой боли. Ей кажется, что настал её смертный час, что сейчас учитель насквозь проткнёт своим долотом её живое тело, и тут боль вдруг ослабевает, а по ляжкам девчонки течёт что-то горячее.

– О боже, – стонет учитель, – это длилось так долго и на меня накатило так быстро, что я даже не сумел толком продрать тебя как следует, – сетует учитель и добавляет: – В настоящий момент ты ещё слишком молоденькая, пока ты ещё ебаться не в состоянии!

Это задевает Пеперль за живое.

– А вот и могу, – говорит она, мужественно пересиливая боль, – это хуй у вас, простите, чересчур уж велик!

– Да нет, хуй у меня самый правильный, но твоя сладкая пизденочка ещё слишком узка.

Носовым платком он обтирает ляжки Пеперль, обильно залитые семенем, затем разворачивает девчонку, раскрывает её всё ещё судорожно сжатые ноги и заодно вычищает языком чуть кровоточащую пизденку.

– Я, конечно, лишил тебя девственности, но, к сожалению, только пальцем, а это всего лишь полдела и можно считать, что почти ничего не произошло. Должен признаться, что у тебя такая сладенькая пизденочка, так бы и засадил тебе крепким ударом, так бы и разорвал тебя! Да, при виде такой красивой дырочки, не долго и рассудка лишиться!

– Она и вправду красивая? – спрашивает польщённая Пеперль, и хотя ей сейчас вовсе не до смеха, пытается через силу улыбнуться учителю. Учителя охватывает воодушевление.

– Я вообще ничего совершеннее в жизни не видел, об этой пизде когда-нибудь заговорит вся Вена.

– Вполне может быть, – с гордостью соглашается Пеперль, – я когда-нибудь стану настоящей блядью, господин учитель!

– Ты не станешь блядью, – заявляет учитель.

– Нет, я всё же стану ею, – убеждённо возражает девочка.

– Не станешь, говорю тебе, потому что ты уже настоящая блядь. Ты сладкая поблядушечка. Скажи мне, скольких мужчин ты уже подпускала к этой восхитительной пиздёнке? Ну-ка, признавайся!

– Да уж, было несколько, – дерзко заявляет Пеперль в ответ.

– И что же они делали?

– Играли пальцем, а также лизали меня.

Это возбуждает учителя, а Пеперль насмешливо глядит на него.

– И какое же место они лизали тебе?

Пеперль вдруг становится неловко произнести при учителе слово «пизда», поэтому она изворачивается:

– Ну, вон эту мою штучку!

Однако учитель теперь страстно желает услышать из уст юной девочки именно это самое слово и потому продолжает настаивать:

– Ты мне всё же прямо скажи!

– Не надо, господин учитель, я вас стесняюсь.

– Ну-ну, давай, скажи же мне.

– Нет, пожалуйста, я стесняюсь.

Она как бы в смущении закрывает глаза ладонями, однако продолжает и дальше лежать с широко раздвинутыми ногами. Молодой человек заводится не на шутку, он непременно желает услышать от неё то самое слово и просит:

– Да скажи же, наконец!

– Нет, не скажу!

– Если ты согласишься за мной то, что произнесу я, то получишь от меня шиллинг.

Целый шиллинг! Пеперль в восторге. Чего только не купишь на шиллинг! Для неё это целое состояние, обретаемое впервые, и поэтому она тотчас же объявляет о своём согласии.

– Что я должна повторить?

– Скажи с выражением: «Я поблядушка. Мужчины вылизывали мне сладкую, красивую пизду и пальцами играли моим секелем до тех пор, пока на меня не накатывало».

Помня о шиллинге, Пеперль, естественно, тут же послушно всё повторяет. Учитель приходит в восторг, а Пеперль теперь уже деловым тоном заявляет:

– Пожалуйста, господин учитель, давайте мне шиллинг.

Мужчина, смеясь, протягивает ей монету, и Пеперль говорит:

– Пожалуйста, господин учитель, если вы дадите мне ещё один шиллинг, я вам ещё что-нибудь скажу.

– Ладно, посмотрим. Итак, начинай.

– Я не только давала мужчинам вылизывать мне пизду, но и брала в рот красивые крепкие хуи и посасывала их до тех пор, пока мне за щеку не брызгала сперма!

Молодой человек густо краснеет и вдохновенно вручает Пеперль второй шиллинг.

– А не хотела бы ты, – хрипло говорит он, – и мой хуй тоже взять в рот и обработать своими вишнёвыми губками, пока и с моим хуем не произойдёт то же самое, пока он не брызнет?

Теперь Пеперль чувствует себя в своей стихии.

– Почему бы и нет, но что я получу за это?

– Ты действительно законченная блядь! – восхищён и одновременно возмущён учитель. – Я ведь сейчас дал тебе уже два шиллинга, за эти деньги ты вполне могла бы довести мой хуй до излияния!

– Нет, за такое я должна получить отдельную плату, – упрямо настаивает она.

Учитель конфузится и тогда пытается силой заставить девочку лизать ему хер, ибо за время разговора тот очень напрягся и вспух, а яйца готовы были лопнуть от переполнявшего их содержимого.

Пеперль смотрит на его раскрасневшееся, потасканное лицо, видит неудержимую похоть в его глазах, и он вдруг становится ей противен. В голове у неё невольно всплывает образ несравненно более красивого Кукило.

Она быстрым движением перебрасывает ноги через кожаный гимнастический снаряд, учителю уже не поймать её. Он только успевает бросить прощальный взгляд на красную, со следами крови, дырочку. А Пеперль одним прыжком соскакивает на землю и устремляется к двери.

– Я могла бы, конечно, если б хотела, – смеясь, говорит она, – но я не хочу. Сейчас я пойду к одному человеку, который мне нравится, и если он не против, пусть меня выебет, даже если мне опять будет больно и он разорвёт меня! И лизать буду его, где он захочет, и столько раз, сколько он захочет.

Сделав неглубокий книксен, она внезапно говорит:

– Целую руку и ещё кое-что, господин учитель, а теперь, если вам больше неумоготу терпеть, можете сами себе спустить.

С этими словами она быстро поворачивает ключ и оказывается за дверью. Учитель стоит озадаченный и оцепенело глядит ей вслед... Да, по всему видно, что она станет настоящей блядью, начало уже положено.

* * *

Пеперль уже добрый час сидит на скамейке на Гюртельаллее, устремив неподвижный взгляд через улицу на парикмахерский салон господина Фердинанда Кукило. Она с восторгом разглядывает выставленные в витрине восковые бюсты, демонстрирующие причёски всех моделей и видов. Господин Кукило артист своего ремесла. Только ли своего ремесла?

Пеперль думает о нём и внезапно у неё появляется желание, чтобы он запустил свою холёную руку под грязную цветастую ткань её платья и поиграл с её пиздой. Пеперль по-настоящему влюблена в него, однако не может правильно объяснить себе это чувство. Она знает лишь, что у неё начинает ужасно чесаться между ляжками, стоит ей только подумать о нём. Справа и слева от парикмахерской торговые заведения уже закрываются, однако в заведении господина Кукило ещё горит свет. Пеперль видит, что он бреет последнего клиента. Внезапно решившись, она встаёт, переходит улицу и входит в салон как раз в тот момент, когда мальчишка-ученик обмахивает щёткой сюртук клиента.

– Целую ручку, фрейлейн, – расшаркивается ученик.

Но господин Кукило уже тут как тут. Он оттесняет мальчишку и сам обращается к Пеперль:

– Одну секундочку, фрейлейн, – улыбаясь, говорит он, – я тотчас же обслужу вас. – И повернувшись к ученику, добавляет: – Давай, отправляйся. Вечно ты опаздываешь на курсы, я сам закрою парикмахерскую.

Мальчишка спешно исчезает. Господин Кукило опускает жалюзи на окнах и запирает на ключ дверь.

– Это только из-за постового полицейского, – объясняя, произносит он, – вас я обслужу и после официального закрытия, фрейлейн!

Застеснявшаяся Пеперль сидит на мягкой скамье и наблюдает, как проворно он управляется. К горлу у неё подступает ком, она предпочла бы сейчас оказаться на улице, вся дерзость её улетучилась. Да, она даже вынула руки из привычных карманов платья и благопристойно сложила их на коленях.

– Итак, чем могу служить, фрейлейн?

Господин Кукило стоит перед Пеперль, склонив аккуратно причёсанную голову, и она с восторгом вдыхает чудесный аромат розовой помады, исходящий от господина Кукило. Что за мужчина!

– Я... я хотела только спросить, сколько стоит стрижка волос, – смущённо запинаясь, выговаривает она.

– Для вас суший пустяк, фрейлейн, всего один поцелуй.

Пеперль глупо улыбается, всю её уверенность как ветром сдуло, она поднимается на ноги.

– Тогда я приду в следующий раз!

– Ну, зачем же откладывать до следующего раза, фрейлейн. Об этом не может быть и речи, я рад, что вы здесь. Я смотрел на вас каждый день и всё время желал, чтобы однажды вы стали моей клиенткой. – Он опускается на мягкую скамью, берёт Пеперль за руку и усаживает мягко сопротивляющуюся девочку рядом с собой. – Вам у меня не нравится, фрейлейн?

– О нет, что вы, – возражает, но как-то вяло, Пеперль, – это очень красивый салон.

Она вдруг чувствует себя крайне усталой, у неё такое чувство, как будто она только что вышла из горячей ванны. Господин Кукило, опытный в обращении с девушками, холёной рукой поворачивает её лицо к себе.

– Вы самая симпатичная девушка, какую я когда-либо видел, – чуть слышно произносит он.

Пеперль глубоко счастлива, её большие, лучистые глаза заворожено смотрят в лицо местному кавалеру.

– Вы очень красивы!

С этими словами господин Кукило привлекает Пеперль к себе, она не противится. А потом она чувствует, как тёплые алые губы, о которых она грезилась так много ночей, обжигают её уста, и погружается в океан блаженства. Она целуется своим первым действительно чистым поцелуем и не знает, что он, вероятно, окажется и последним в её жизни. Пеперль влюблена, как может быть влюблена только юная, рано созревшая девочка. А господин Кукило, как уже было сказано, мастер не только причёсок, он умеет обойтись и с такой вот молоденькой влюблённой девчонкой. На платоническую любовную связь у господина Кукило нет ни времени, ни охоты, он намерен сорвать цветочек, преподнесённый ему судьбой, сполна испить, наконец, чашу удовольствия и, опираясь на имеющийся у него опыт, выебать девчонку во всех позах. Конечно, он ведь не знает, что Пеперль ещё наполовину девственница.

Он склоняется к загорелой шее Пеперль, умело, так что она даже не замечает этого, расстёгивает пуговицы её простого летнего платья и скидывает бретельки сорочки. Потом он берёт в руку её красивую юную грудь с розовыми сосками, сгибается и опалает нежные полупшария жадными, жаркими поцелуями. В Пеперль раскрывается что-то новое: любовь без алчности! Она не раздвигает ляжки, нет, она держит их очень плотно стиснутыми. Её пронизывает одно только чистое пламя, сейчас она не хочет добровольно расстилаться под кем бы то ни было, она хочет, чтобы её взяли с любовью, она хочет подарить себя, она вдруг стыдлива и бесконечно трогательна. Она позволяет делать с собой всё, она закрывает глаза, она хочет только чувствовать его дарящие блаженство губы на своих устах, она совершенно не думает о том, что за этим может последовать ещё и кое-что другое. И тем не менее она ужасно возбуждена. Под ласковой рукой господина Кукило платьице её полностью соскальзывает вниз, он укладывает хрупкое девичье тело на мягкие подушки широкой скамьи и покрывает красивую плоть жаркими поцелуями. Пеперль лежит тихо, всё в ней сейчас любовь, блаженная любовь, она готова плакать от счастья.

– Давай, мышонок, раздвинь-ка ножки!

Голос у господина Кукило тёплый и ласковый, и Пеперль послушно выполняет всё, что он требует. Его тонкий палец ласково поглаживает пиздёнку, и Пеперль постанывает от никогда не испытываемого прежде подобного наслаждения. Она притягивает к себе вниз его благоухающую голову, утопая, целует его в губы и чувствует влагищем его горячие, перебирающие пальцы. Ему позволено делать всё. Всё, что он хочет, для этого она здесь, возле него, того, кого любит. Для проверки он сверлит пальцем щелку и рад, когда дорога оказыва-

ется открытой. Господин Кукило не любит девственниц, он предпочитает, как правило, быть вторым, а не первым. Он считает, что с девственницами слишком много возни и хлопот.

– Сокровище, раздвинь ножки ещё шире, мне никак не добраться... вот так правильно... тебе хорошо, когда я играю твоей пиздёночкой?... скажи мне... моя мышка!

– Хо-ро-шо-о... – прерывающимся голосом выдыхает Пеперль.

– Я немного потру тебя, моя мышка, немного прогуляюсь хвостиком, моя кошечка, да? Это твоей дырочке, твоей красавице, наверняка понравится!

– Да. – Она выдыхает это признание и чувствует себя на седьмом небе. – Да... да...

– Ну, тогда скажи: «Пожалуйста, Ферди, выеби меня!»

– Пожалуйста, Ферди, выеби меня! – блаженно повторяет она.

Господин Кукило хочет быстро раздеться, но Пеперль не отпускает его, она более ни на миг не может обойтись без его рта на своих губах и без его пальца на пизде. Таким образом, ему приходится стягивать брюки одной рукой, а второй он продолжает её надрачивать.

Пеперль стонет:

– Иди же, наконец, совсем ко мне!

Голый господин перескакивает через дрожащую девчонку, хватая мягкую подушку с сидения и суёт её под зад Пеперль.

– Вот так, – говорит он удовлетворенно, – теперь как можно шире раздвинь ножки и руками разведи в стороны края пиздочки.

С робким сердцем Пеперль делает то, что ей велено, и господин Кукило ловко вставляет свой белый, тонкий стебель в наполовину только вскрытую дырочку Пеперль, производит толчок, и вот он уже внутри. Пеперль издаёт пронзительный крик, боль точно ножом рассекает ей тело, но потом она только едва слышно постанывает.

– Теперь я буду медленно-медленно ебать тебя, моя мышка, всё время очень медленно.

Господин Кукило почти полностью извлекает хер и снова бережно вводит его в пизду Пеперль.

– Хороший хуёчек, как раз впору моей мышке, скажи-ка, что он хороший, славный хер.

– Хороший, – откликается Пеперль, – очень хороший!

Боль позабыта, хуй у господина Кукило тонкий и доставляет ей удовольствие, да, то, что сейчас происходит, неизмеримо приятнее всех прошлых попыток предшествовавших этой поёбок. Она с содроганием внезапно вспоминает об исполинском хере учителя физкультуры. Зато теперь она всё сильнее ощущает размеренные толчки Ферди, так она могла бы ебаться целую вечность.

– Хорошо, – говорит она и проводит первый контрудар в своей жизни.

– Ах, как хорошо это у тебя получается, моя мышка, не останавливайся, продолжай и дальше мне подмахивать. У тебя исключительно чуткая пиздёнка, клянусь всеми святыми, отныне я буду часто с тобой ебаться. Уж больно хорош твой любовный грот.

Господин Кукило подхватывает Пеперль под зад, высоко поднимает девчушку и в такой позиции начинает прочесывать её еще интенсивнее.

– Ах, так ещё лучше! – восклицает Пеперль. – Твой хер такой хороший, только загоняй, только ударяй покрепче, мой дорогой Ферди, ведь теперь я чувствую тебя гораздо лучше и никакой боли. Ах, Ферди, пососи мне сиськи! Прошу тебя, не забывай о сиськах!

– Мне никак, мышка, на это не изловчиться сейчас, однако погоди, я сделаю тебе кое-что другое.

С этими словами он берёт маленькую жопку Пеперль в одну руку, а второй нежно играет клитором девочки, продолжая при этом основательно её дрочить.

Пеперль кричит:

– Ферди, как хорошо...

И бравый Ферди сечёт так, что у него член наружу выскакивает.

– Я готов в клочья разорвать твою плюшку, твою прекрасную тёрочку, только поддавай как следует, иди мне навстречу! Сейчас на меня накатывает! Ах, плюшечка, моя мышка, ударяй... сейчас... крепче... ах... я сейчас брызну... а... а... а...

Издать стонущий рык – вот всё, на что в этот момент сподобился Ферди, потом выпустил полный заряд в пылающее влагилице Пеперль, в завершение нанёс ещё несколько ударов в ее дырочку, а потом с глубоким вздохом осел на затрепетавшую девчонку. Пеперль не понимала, что с ней произошло. Член в ней, казалось, всё больше и больше увеличивается в размерах, однако то была естественная секреция, которой наполнил её Ферди. И когда её узкая расщелина больше не могла вмещать сперму, она снова потекла, нет, она даже дугой брызнула наружу и затем потекла вниз по её ляжкам. Какое-то время они совершенно неподвижно и тихо лежали друг на друге, но вот Ферди, наконец, отделился от неё. Сама же Пеперль осталась лежать точно раздавленная.

Когда она снова открывает глаза, господин Кукило стоит над раковиной для бритья и обмывает член. Он с неодобрением замечает несколько капель крови.

– Ты же была ещё девственницей, Пеперль, почему ты не предупредила меня об этом?

Пеперль молчит и закрывает лицо ладонями. Сейчас она не в состоянии говорить, она безмерно счастлива. Господин Кукило тотчас же соображает что к чему, и являясь истинным джентльменом, не хочет лишать девочку иллюзии. Он присаживается рядом с ней на мягкую подушку сидения и ласково гладит её обнажённое маленькое тело, её густые каштановые волосы и нежно целует глаза и губы.

– Теперь ты часто будешь приходить ко мне, моя мышка, правда?

Пеперль утвердительно кивает. Естественно, она будет приходить, она предпочла бы вообще больше не уходить отсюда. Она плотно прижимается к своему Ферди, подвигая свою крохотную пиздёнку к его руке.

– Нет, мышенок, – уклоняется Кукило, – для первого раза тебе более чем достаточно, побереги себя, такая пиздёночка больше пока не выдержит.

– О, нет, ничего страшного с ней не случится.

Он удивлённо спрашивает:

– Откуда ты можешь это знать, ты же была ещё девственницей?

Пеперль багровеет от смущения. Однако господин Кукило раздвигает её загорелые ляжки и испытующе разглядывает её пизду, на которой ещё сохранились остатки кроваво-розовой пены. Он заботливо её обтирает.

– Тебя ещё пока что как следует не выёбывали, это я вижу, – произносит он, – но всякая всячина там уже проделывалась. Давай-ка, расскажи мне всё по порядку.

Пеперль не очень хотелось бы этого, однако настоятельные расспросы господина Кукило всё-таки вынуждают её выложить всю правду начистоту. Она рассказывает про Руди, о парнях из Верингер-парка и не утаивает также приключение с учителем физкультуры. Рассказ обо всём этом заметно её возбуждает. У неё пропадает всякий стыд перед Кукило, и под конец она рассказывает о двух шиллингах, подаренных ей господином учителем. Но тут оживает и сам господин Кукило, глаза у него начинают блестеть, он в восторге притягивает девочку к себе.

– Ты просто сокровище, – ликуя, вскрикивает он, – ты воплощенная маленькая побрякушка, я с тобой много чего смогу добиться.

Пеперль чувствует себя польщённой.

– Да, – признаётся она, – у меня дурная наследственность, как вечно заявляет моя тётка, ведь моя мать была величайшей венской блядью и заработала кучу денег. Мне тоже прежде хотелось стать блядью, а теперь больше не хочу, потому что сейчас я только тебе, Ферди, позволю себя ебать, оттого что ты мне страшно нравишься.

– Глупее ты ничего не смогла придумать, – ответил Ферди, задумчиво и рассеянно поигрывая секелем Пеперль. – Ты говоришь, значит, что твоя мать была знаменитой блядью? И как же её звали?

– Так же, как и меня, – с гордостью произносит Пеперль, – Жозефиной Мутценбахер.

– Иисус-Мария! Эта Мутценбахер была твоей матерью? – Господин Кукило в восторге. – Да ведь о ней же целая книжка написана. Вот это находка так находка!

Кукило не может себе места найти от радости. Он сидит вплотную к Пеперль, и в то время как его рука продолжает игры в её пиздёнке, сам он начинает выкладывать перед ней свои планы.

– Послушай, мышонок! Ты и я, мы весь свет в задницу загоним! Кучу денег заработаем! Твоя жадная пиздёнка станет более знаменитой, чем пизда твоей мамы. Когда я вытащу на рынок дочку самой Жозефины Мутценбахер, это вызовет настоящий фурор! У мужчин хуи сами собой будут рваться к твоей пизде. Платить они будут, как миленькие, даже если при этом им придется из кожи вон вылезти. Я тебя подготовлю и обучу, мой мышонок, можешь на меня положиться.

Конечно, утонченный господин Кукило, естественно, думает исключительно о собственном заработке, но до поры до времени это означает делить шкуру неубитого медведя, то есть, в данном случае строить планы и подсчитывать дивиденды без учёта интересов самой маленькой Пеперль.

– Хорошо, – отвечает на это Пеперль, – но я хотела бы, чтобы меня ёб только ты.

– Ах, ерунда какая, – отмахивается было Кукило, однако, увидев её огорчённое личико, он тотчас же переходит на примирительный тон и заявляет: – Естественно, я буду сношать тебя всякий раз, когда тебе захочется, ты моя маленькая любимая мышка, и мы будем всегда с радостью иметь друг друга, – заверяет он, думая при этом только о том, как с её участием заработать денег, – но мы непременно должны организовать великие дела при помощи твоей пизды. Если б я только заранее знал, кто ты такая, то, клянусь всеми святыми, ни за что бы тебя не выеб и очень дорого продал бы твою девственность, – задумчиво подытоживает он. – Ну, ничего не поделаешь, что случилось, то случилось!

Выслушав его, Пеперль неуверенно произносит:

– Но ведь если я позволю другим мужчинам ебаться со мной и буду обсасывать им хуи, ты больше меня не захочешь. – И с глубокой печалью в голосе добавляет: – Только у тебя такой прекрасный хер, который мне впору и с которым мне больше никогда не будет больно.

– Хватит чушь молоть! – Господин Кукило на мгновение теряет терпение и становится крайне строгим. – Чем больше ты будешь ебаться, тем больше заработаешь денег и тем охотнее я буду тебя иметь. Однако теперь перейдём к самому главному. Всякая ебля, лизание и взаимная дрячка с глупыми мальчишками из Оттакринга отныне, естественно, исключаются раз и навсегда, понятно?

Пеперль покорно кивает.

– Ты будешь ходить туда, куда тебя пошлю я, и будешь делать то, что прикажу я, и больше ничего! А за это потом я всегда буду тебя подолгу ебать, – посулил он ей, – так, как тебе будет приятнее, и когда бы тебе ни вздумалось! Но только в награду, если ты будешь послушной и принесёшь деньги. Вот так, ну а теперь ступай домой и завтра днём ровно в половине четвёртого приходи ко мне сюда.

– Мне одеться красиво?

– Ну уж нет! Оденься точно так же, как сегодня, приходи именно такой, не вздумай даже заколку вставлять или подвивать волосы. И даже не вздумай подмыть пизду, поняла?

Пеперль послушно облачается в своё заношенное платьице. На прощанье Ферди ещё раз покровительственно протягивает ей свой тонкий белый отросток.

– Держи, тебе разрешается чмокнуть его за то, что была такой послушной.

Она с беззаветной преданностью целует макаронину парикмахера, после чего Кукило открывает двери и выпускает девочку на улицу. Довольный, он ещё какое-то время наблюдает за тем, как она медленно и устало ковыляет прочь, затем плотно запахивает рабочий халат поверх голого тела. Что за блядь получится!

* * *

В воскресенье после обеда ровно в половине четвёртого из-за угла Шелльхаммерштрассе показывается Пеперль. Господин Кукило в элегантном летнем костюме с душисто напомаженными кудрями стоит у входа в свой салон и улыбается навстречу приближающейся Пеперль. Потом они вместе отправляются вдоль Гюртеля в сторону виллы Верингер-коттедж, и по пути господин Кукило даёт Пеперль мудрые наставления.

– Не подведи меня, мой мышонок, – поучает он, – сейчас мы идём к одному господину, который поимел в постели ещё твою мать. Когда он услышал, что теперь можно поиметь и её дочь, он точно с цепи сорвался, он даст тебе пятьдесят шиллингов, которые ты затем вручишь мне, понятно, а я за это потом так основательно прочищу и отшлифую изнутри твою сладкую дырочку, что ты потом долго-долго будешь это чувствовать. – Пеперль согласно кивает, она сделает всё, только бы этот красивый и исключительно элегантный господин Кукило был с нею мил. – А после этого сразу придешь ко мне. Но учти, господин граф, к которому ты сейчас идёшь, – свинья свиньей. Не вздумай стесняться, понимаешь, ты обязана делать всё, чего он потребует. Больше всего ему нравится выслушивать самую грубую похабщину! Ты должна всё время говорить «манда», поскольку «пизда» для его уха звучит чересчур изысканно, и вообще ты должна себя вести очень вульгарно, ему это нравится и как раз за это он и платит.

– Значит, я должна быть такой же вульгарной как с мальчишками на улице?

– Ещё больше, мышонок. Ты же смышленная и с ходу поймёшь, чего ему хочется.

– А ебать меня я тоже обязана ему позволить?

Кукило задумывается.

– Может да, а может, и нет, кто знает, годится ли он ещё для такого дела. Возьми-ка этот пакетик. Ты позвонишь в дверь, и, я полагаю, граф сам тебе откроет. Если нет, тогда заявишь, что должна передать этот пакет господину графу лично, понимаешь? Вон тот, третий по счету дом отсюда. Ну, а теперь ступай и не подведи меня. Сервус, Пеппи-мышонок, шлюшка ты моя!

Пеперль медленным шагом движется в указанном направлении – в сторону большой, красивой виллы. Затем мысль о том, что Ферди должен быть ею доволен, заставляет её сделать резкий рывок, и вот она уже энергично звонит в колокольчик. Дверь в сад открывается и перед Пеперль вырастает огромного роста лакей в тёмно-зелёной ливрее с начищенными до блеска пуговицами. Пеперль никогда ничего подобного прежде не видела, поэтому она делает книксен и смущенно произносит:

– Целую ручку, господин граф!

Детина в зелёно-бутылочном облачении сохраняет убийственную серьёзность.

– Что вам угодно?

Пеперль мгновенно соображает, в чём дело, и показывает свёрток:

– Я должна передать вот это господину графу в собственные руки!

– Извольте подождать.

Он приглашает юную просительницу в помятом летнем платье пройти в роскошный приёмный зал. Пеперль так и замирает от изумления с разинутым ртом. Подобного великолепия она никогда ещё не видела, так, должно быть, выглядит рай. В этот момент на лестнице появляется пожилой, седовласый мужчина и делает Пеперль знак подняться к нему.

Девочка из предместья нерешительно ступает по устланном ковром ступеням и очень медленно подходит к вельможному старику. Лакей в ливрее цвета бутылочного стекла уже бесследно исчез. Взору открывается огромный салон, потрясаяще обставленный в стиле Людовика Пятнадцатого. Пеперль, разумеется, ничего в стилях не смыслит, однако ей здесь очень нравится. По стенам висят прекрасные гобелены, которые точно магнитом притягивают к себе внимание Пеперль. Она ещё не произнесла ни слова, и пожилой господин точно так же молча пока что только её разглядывает. Девочка замирает у одного из гобеленов, на котором изображена Ева с яблоком, и тут Пеперль не сдерживается и прыскает.

– Отчего ты смеёшься, малышка?

Голос у графа низкий и благозвучный. Пеперль немного конфузится, потому что рассмешил её фиговый листок Адама. Однако затем она вспоминает напутственные слова Кукило, вызываясь смотреть в глаза пожилому господину и заявляет:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.